

НАБРОСОК ОТВЕТА НА СТАТЬЮ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Публикация В. Путицева

Содержание публикуемого наброска непосредственно связано с известной полемикой между Герценом и Чернышевским в 1861 г. Подвергая в статье «О причинах падения Рима» («Современник», 1861, № 5) резкой критике пессимизму Герцена в отношении исторического развития народов Западной Европы, Чернышевский, обращаясь к Герцену, но не называя его имени, писал: «Рано, слишком рано заговорили вы о дряхлости западных народов: они еще только начинают жить» (Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., М.—Л., 1950, т. VII, стр. 666). Чернышевский упрекал Герцена в недооценке исторической активности народных масс; вместе с тем он предупреждал Герцена относительно иллюзорности представлений о социалистической природе, свойственной якобы русскому общинному крестьянству.

Публикуемый отрывок, на наш взгляд, был черновым наброском ответа Герцена Чернышевскому, первым приступом к той большой статье, которую Герцен собирался напечатать в «Полярной звезде» в связи с выступлением «Современника». В самом деле, диалог автора и «двоюродного брата» воспроизводит, в основных чертах, идейное содержание полемики. Кроме того, само сравнение Чернышевского с бароном Видиль, обвинявшимся в намерении убить своего сына ударом рукоятки арапника во время загородной прогулки (дело слушалось в лондонском суде в июле 1861 г.), тогда же встречается в переписке Герцена. Так, в приписке к письму Огарева, адресованному Н. Н. Обручеву и датируемому Лемке 15—20 августа 1861 г., Герцен, имея в виду статью «О причинах падения Рима», писал: «...Чернышевский à la Baron Vidil, ехавши дружески возле, вытянул меня арапником» (XI, 212).

Герцен отозвался на выступление Чернышевского заметкой «*Repetitio est mater studiorum*»* («Колокол», л. 107, от 15 сентября 1861 г.; во вступлении, датированном 30 августа 1861 г., Герцен указывал, что заметка извлечена «из статьи, назначенной в „Полярную звезду“ — XI, 227). Близость этой заметки к наброску «Двоюродный братец» несомненна. Собеседник автора в публикуемом тексте обвиняет его в том, что он утверждает, будто «Западу только и спасенье, если он примет какие-то вновь открытые элементы русской жизни», на что Герцен отвечает: «Ей-богу, mon cousin, я этого никогда не говорил». В заметке «*Repetitio est mater studiorum*» Герцен тоже предполагает возможное возражение: «Ну, где же тут новый элемент, который она вносит в жизнь устарелого Запада, долженствующий пересоздать его?», и разъясняет: «На это пусть отвечают те, которые это говорят. Я этого никогда не говорил» (XI, 232). В письме к Огареву от 30 августа 1861 г. Герцен спрашивал: «...можно ли статью назвать „Зады“ вместо „*Repetitio est mater*...“?» (XI, 220; см. также письмо к Огареву от 1 сентября 1861 г. — XI, 226). Заключительная фраза публикуемого наброска: «Пришлось больше помянуть задов, чем хотелось...» — явным образом переключается с предлагаемым заголовком статьи. Наконец, замечания воображаемого оппонента своим стилем напоминают реплики «двоюродного брата» (например: «Дошли-таки, наконец, до вашего большого места, ха! ха! ха!..» — XI, 231).

* «Повторение — мать учения» (лат.).

По всей вероятности, набросок «Двоюродный братец» был создан незадолго до заметки в «Колоколе»; вновь обратившись к работе над ответом «Современнику», Герцен повторил некоторые положения своего чернового наброска.

Публикуемый документ служит ценным дополнением к немногочисленным свидетельствам о том эпизоде, которому он посвящен. Интересно отметить, в частности, что Герцен, споря с Чернышевским, характеризует его как «двоюродного братца», находящегося в «другой комнате», подчеркивает свое «родство» и единомыслие с ним: «Что с вами случилось, давно ли вы были до того согласны со мной, до того, что...» Быть может, именно из опасения осложнить положение Чернышевского в России столь откровенным признанием общности их политических позиций Герцен отказался от дальнейшей работы над своим наброском.

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТЕЦ

— Что вы за чушь несете?* — закричал мне двоюродный брат мой из другой комнаты...

— Вы меня, mon cousin, как барон Видиль своего сына, вытянули арапником, пользуясь родством, — сказал я ему, смеясь. — Что с вами случилось, давно ли вы были до того согласны со мной, до того, что...

— Близко ли, далеко ли — это к делу не идет. Давно ли вы сами называли славянофильство — нелепостью?

— Давно, mon cousin, очень давно, больше десяти лет. Вы знаете, десятилетняя давность покрывает разные прорухи.

— А теперь проповедуете, — продолжал он, не слушая меня, — что Западу только и спасенья, если он примет какие-то вновь открытые элементы русской жизни **... ха-ха-ха...

— Ей-богу, mon cousin, я этого никогда не говорил... Я говорил...

— Вы не говорили, что Запад стареется, вы не сейчас сказали, что Париж отживает свой век? Париж — стар стал. Как будто совокупность каменных зданий — прежде чем развалится — может отжить свой век, как будто не новые наемщики въезжают в старые дома его, как будто Париж не перестраивается заново?..

— Только по старому плану, который, по несчастью, не рассчитан ни на современные потребности, ни на возрастающее невозможно количество людей... Если переменится план серьезно, то это не будет Париж...

— Париж-с, Париж-с, назло вам, очень Париж — Европа переменит двадцатый, сотый кафтан, кафтаны изнашиваются — а она еще переживет нас с вами...

— Мудрено ли, когда мы стареемся, изнашивая сертвки, а ей как с гуся вода.

— В этом вся разница.

— Только смотрите, чтоб с ее неосторожной юностью не случилось того, что с Павлом — он ослеп кавалерийским офицером, а проснулся пешим апостолом. Да вот беда — у нас теперь нет таких особенно ослепительных доказательств...

— Не выдумаете ли вы их — или Аксаков с комп(анией), то бишь с молодцами?..

Это неожиданное вмешательство *вооруженным* языком изменило экономию моего рассуждения и брюзжания. Пришлось больше помянуть задов, чем хотелось.

Автограф (черновой). — ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, л. 5 — 5 об. — Перед заглавием — рукой Герцена цифра «11».

* Далее зачеркнуто: что за бред?..

** Далее зачеркнуто: что мы его научим